

Капитан Наполеон

М.: ММП "Дайджест", 1992

Родился он игрой судьбы случайной,

И пролетел, как буря, мимо нас;

Он миру чужд был. Все в нем было

ТАЙНОЙ

День возвышенья - и паденья час!

Михаил Лермонтов

I

На улице Бонди в Париже горящие и коптящие лампы освещали вход в народный зал "Во-Галь". Этот зал с таким экзотическим названием находился под управлением гражданина Жоли, артиста театра "Дез'Ар". Это было в знаменательные дни июля 1792 года. Людовик XVI номинально еще сохранял королевский титул, но его голова, украшенная 20 июня фригийским колпаком, уже начинала пошатываться на плечах. В предместьях революционная гидра уже поднимала с ворчанием голову. Робеспьер, Марат и красавец марселец Барбару провели тайное совещание; правда, на нем не удалось прийти к соглашению относительно выбора главного вожака, диктатора, как того хотел "Друг народа" ("другом народа" прозвали в Великую французскую революцию неистового Марата по названию газеты, издаваемой им), но было решено нанести окончательный удар королевской власти, которая укрывалась, словно в крепости, во дворце Тюильри. Ожидали только прибытия марсельских батальонов, чтобы дать сигнал к восстанию. Со своей стороны прусский король и австрийский император собирались броситься на Францию, которая казалась им легкой добычей; они рассчитывали на предательство и внутренние раздоры, благодаря чему было бы легко довести армию быстрым маршем до столицы.

Герцог Брауншвейгский, генералиссимус имперских и королевских войск, издал в Кобленце свой знаменитый манифест, в котором с высокомерием объявил:

"Если Тюильрийский дворец будет разгромлен или подвергнется нападению, если будет учинено хоть малейшее насилие, нанесено хоть малейшее оскорбление их величеств королю Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте или кому-либо из членов королевского дома, если немедленно не будут приняты меры к обеспечению их безопасности, неприкосновенности и свободы, то император и король отомстят за обиду так, что это останется памятным во веки веков; город Париж будет предан разгрому войсками и полному уничтожению, а бунтовщики, виновные в преступлении, понесут тяжкие, заслуженные ими муки".

Париж ответил на этот грубый вызов восстанием 10 августа.

Но Париж постоянно является вулканом с двух кратерах: веселье перемешивается у него с яростью. В предместьях вооружались, в клубах шли горячие прения, в коммуне раздавали патроны патриотически настроенным солдатам национальной гвардии; но это не влияло на жажду удовольствий и любовь к танцам, и во времена революции плясали особенно много.

На свежих развалинах Бастилии, наконец-то разрушенной, водрузили вывеску с надписью: "Здесь танцуют". И это было совсем не насмешкой. Самым приятным употреблением этого на редкость мрачного и весьма унылого места, где в течение многих веков страдали несчастные жертвы произвола, было огласить его звуками скрипок. Веселые крики заменили унылые стоны сов, и это тоже было своего